

Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

И в Германии с уважением отзываются о первом и величайшем Историке России. Геерен¹ называет его русским Ливием². К нему не оказывается несправедливым и новейший судья бессмертного его творения. Между тем необходимость требует оценить подробнее пользу, какую принес Карамзин истории как науке глубоким исследованием древности и критическим употреблением памятников. Карамзин сохранил все, что нашлось в наших летописях драгоценного: каждую черту героя древнего времени, постоянное мужество наших пастырей душ -- просветителей народа, некогда смелых заступников одного у трона; полное наше гражданское и церковное законодательство, и каждый отголосок славы из времен древнейшей России.

Иностранные ученые не могли настоящим образом определить, на какую степень возвысился наш равно образцовый писатель как историк и как хранитель отечественных преданий. Доныне единственный в слог, Карамзин, с благоразумным выбором, соблюдал также и мелкие исторические события в той великой и верной картине, где изобразил он нашу феодальную систему и ужасы междоусобия. Употребленный на сие труд скрыт в искусстве изображения. Кто без предубеждения читал предшественников Карамзина, тот знает, что его труду предшествовал хаос. Иностранец, не вполне обозревший материалы, служащие к составлению истории Российского государства, никак не может совершенно измерить пути, пройденного нашим изыскателем, одаренным взглядом ясным и проницательным. Потому немецкий критик обыкновенно довольствуется тем, что скажет свое мнение только о первом томе помянутой Истории, ибо предуготовительные к ней труды принадлежат большею частию иностранным и особенно немецким ученым.

Так и рецензент в "Лейпцигской литературной газете" отдает преимущество первой части как богатой плодом многостороннего чтения и изыскания по всем частям исторических сведений. Однако ж мы не думаем, чтобы следующие части были беднее в изысканиях; скорее мы признаем в них, относительно эпох исторического повествования и самых предметов, не менее обильную реку исторических источников, из коих сочинитель умел счастливо почерпать.

В первой части представлена древняя Россия, по древним историкам и географам, от Геродота³ до Аммиана Марцеллина⁴, и по скандинавским и германским хронографам, до Киево-Печерского светоносца во мраке древнего севера, Нестора⁵. Здесь русский историк должен был, если только хотел выйти из лабиринта темной древности, следовать иностранным путеводителям и при разнообразных показаниях германских и византийских летописей вопрошать новых исторических критиков: Шлеце-ра⁶, Тунманна⁷, Маннерта⁸, также и наших академиков: Байера⁹, Лерберга¹⁰, Круга¹¹. Путь был освещен. Карамзин, собирая плоды чужих и собственных усилий, распределил группы народов, существовавшие при самом рождении Российского государства, и начертал абрис театра их подвигов, с чрезвычайно редкою доныне, даже в Германии, ясностью.

Но в следующих частях наш историк проходит по темному пути без путеводителя. Если уже во времена Тацита¹² в Финском севере мерцает свет, то лучи его опять погасают на другой стороне нашего горизонта. Там, в продолжение столетий, как бы не существующие для истории, пребывают финны в первоначальном своем ничтожестве, тогда как здесь, в непрерывной смене орд, один народ вытесняет другого, к ужасу современников и к утомлению летописателя и читателей. Русский бытописатель первый осветил сей хаос племен уцов, половцев, маджаров и печенегов. Он открыл нам почти неведомую могилу прошедшего и стал блюстителем мгновенной славы Ельца и древнего величия Киева и Новгорода.

Без сомнения Шлецер, творец критического обозрения северной истории¹³, с благородною завистью прочитал бы первые главы "Истории государства Российского". Конечно, они написаны также при помощи и его прозорливой критики, но в такой степени совершенства, какой Шлецер не мог ожидать от своих непосредственных последователей. Однако ж заслуга Карамзина как самоизыскателя доныне мало признана иностранцами. Еще не довольно было легковверного незнания некоторых журналистов. При молчании наших литераторов, не ответствовавших на многие будто бы критики, и добросовестные немцы, коих характеристическая черта есть какое-то прямое участие в общих успехах просвещения и